
Белеет одинокий, но не парус,
от ужаса, что жизнь предрешена.
Как музыка — чередованье пауз,
так человек — сплошная тишина.

Обломится, но держится для вида,
так дерево не знает слова «крах».
О чём поёт последняя обида?
Но нет необходимости в словах.

Теперь забыть, кто рядом был, кто выбыл,
кто рухнувших руин не поддержал.
И если счастье есть, то это выбор —
не помню кто, но правильно сказал.

Из земли торчат сухие стебли,
тянется растительный скелет.
Человек слоняется без цели,
под руки ведёт велосипед.
Если не сворачивать налево,
видно, где земля освещена.
Шея затекла смотреть на небо,
чёрных солнц созрели семена.
Хорошо кому свернули шею —
отдохнёт от трудной головы.
Жёлтым обведённые мишени —
вот досуг для нашей голытьбы.
Это поле в полиэтилене,
чёрным в пачке красная цена.
Не бывает смерти у растений,
не хоронят высохших костей их,
и никто не помнит семена.

С утра смотреть в аквариум окна.
Здесь не на что смотреть и смотрим на
бездействие, а что нам остаётся?

В какую форму их ни облакай,
другие, но всё те же облака,
как скорлупа облупленного солнца.

Потом смотреть на зёркала портрет —
своё лицо, отцовский трафарет,
сомнение, что можем быть другими.

Куда идти и выходить к чему,
когда с собой ношу свою тюрьму,
как носят имя.

Дни темней, но тем не менее
обозначены цвета.
Небо синее осеннее,
в поле мёртвые растения,
в поле ходит пустота.

Постой там,
посмотри туда.

На кривом столбе, листьями окрылённом,
(по такой резьбе — берёза, определённо)
чёрным по бе сходство с аккордеоном.

Поиграй на зелёном.

Было травой, стало стерней и сеном.
Скоро здесь всё станет сырым и серым —
церковь в конце села, на лугу люцерна.

Хочешь сказать — бесценна,
а жизнь бесцельна.

Пронзительны птицы в зарослях на озёрах.
Будущий рост зелёный хранится в зёрнах.
Осень стоит, как сено сухих и сорных,
мягкий роняя знак.

Злак золотой собрали, свезли по тоннам.
Зла с пустотой не помним, идя по тёмным.
Время зажечь тепло и остаться дома,
шторы задвинуть мрак.

«Время» — «я мертв» в обратном порядке речи,
лишняя буква тэ или ты, и легче
вспомнить, кем был, чем думать о том, что нечем
больше себя оправдать, отдаляя план,
отодвигая жизнь (на фоне чужой — я меньше),
как зёрна, что ждут тепла.

Трава застревает в железной десне —
граблей неотложна работа.
Уже объявился зелёный, где снег,
и рой насекомых, и рота
в красных мундирах верхом на листве,
нельзя поднимать с земли,
там, где могилы, на большинстве
подснежники расцвели.
Природе неважно, кто ты такой
и что у тебя по плану,
она готовит побег весной,
готовит себе поляну,
она готовит пчеле пыльцу,
готовится к майским дням,
и жук ползёт по её лицу,
ползёт по её костям,
пока ты смотришь в дыру в стене,
разрушенный, как кирпич,
и если прислушаться к тишине,
то можно её постичь.

Наблюдая в окно, что идут и кричат руками,
просто смотреть (в качестве понятых).

Дождь зачёркивает человека. Зачёркивает штрихами.

Зонты

раскрывают свои горбы.

Не происходит, происходить не будет.

Вертикальна вода, горизонтальна речь,

уложившись в строку, как в койку, потом разбудят,
почему бы и нам не лечь?

И чем дольше время, тем меньше его заслуга,
потому что с другими то же, что и с тобой.

Но зачем нам не жаль ни времени, ни друг друга,
ни последней воды сплошной?

Когда иду до школы и обратно

и окна отражают свет закатный,

мне кажется, что внутренний горит,

как будто в школе поздние уроки,

а может, подготовка, бал осенний,

поэтому не выключили свет,

и видно всю ботанику растений

на полках шкафа. Это кабинет,

в котором географию, немецкий,

труды — что только в нём не проводили,

поскольку это маленькая школа.

Иду и вижу: свет не погасили,

и радостно, и жутко от такого,

ведь знаю же — закрыта, и давно.

Но, вспыхнув, уцелевшее окно

со скоростью заката гаснет тоже,

и кажется, там кто-то есть внутри

и ходит в пустоте, уйти не может

и вслух зовёт: «Смотри меня, смотри».

Много яблок — выпрямиться трудно,
ветку словно тянет тетива.
Наступает войско, то есть утро,
держится без шеи голова,
то есть солнце в небе расцветает,
одинокий пламенный цветок,
и земля с похмелья выпивает
ржавый сок и смотрит на восток.
Повернись ко мне лицом угрюмым,
это старый кнут и новый гнёт.
Да, растут и кладбища, и тюрьмы,
но и сад растёт.

Это не город, а частный сектор,
публично повешенное бельё.
До последней воды выкручивает соседка
постельное и своё.
Невольно, но подглядишь — просвечивают дворы.
Что там? Строительный хлам,
мусорные дары —
русский стиль «Сделай сам».
На вопрос: «Из какой ты дыры?» —
все из одной, сестра.
Эти здания были отданы под торговлю,
этот воздух — рекламным вывескам.
Если мир — театр, то сколько довольных ролюю?
Больше всего в любительском.
Что ещё? Вещевой, овощной
рынок, где пахнет рыбой.
Пивной магазин «На дне».
Жизнь как табличка на входе, словом «закрыто»
повёрнутая ко мне.

Осень.

Вот сейчас могилки окосим

и так до Пасхи.

Божья коровка, не бойся,
закрывай свои чёрные глазки.

На красной спинке

принеси нам блины на поминки,

пирожки с начинкой из яблочного варенья,
булочки и печенье.

На, заползай на ветку,

лети, улетай на небо.

Передай привет для близкого человека.

Вечернее небо — раздавленная малина.

Пыльное поле, скошенная поляна.

Детство совсем запомнилось, как молитва
(мысленно, постоянно).

С бывшего дна осколки от перламутра —
это была река, но она засохла.

Здесь на цветках лежит золотая пудра,

а от людей остался пакет и стёкла.

Я забрала с собою (хотя куда мне?)

в память об этом дне небольшие камни.

Как свою прошлую жизнь

(а могла бы и налегке),

так и ношу те камушки в рюкзаке.

Не ностальгия — память детская,
от маленьких шагов следы,
где край родной, страна советская,
село под облаком седым.
Кресты давно стоят, но ровненько
и ждут гостей издалека.
И где в развалинах коровника
лежит бидон без молока.
На свалке вороны и заросли,
везде растёт чертополох.
Сухой репейник не от старости —
от ветра сильного оглох.
И здесь не то что запустение
(край похороненной родни),
а продолжают растения,
где были первыми они.

Море, моё ты море,
синяя полоса,
с виду цветёт цикорий,
польза пустым глазам.

Плюсы села простые,
эко — любой продукт.
Звёзды сорвёшь — остынут,
новые нарастут.

Поле не поединок,
можешь бродить один.
— Вы из каких глубинок?
— Мы из таких глубин.

По количеству света в окнах определяю,
сколько домов жилых.
По одной из двух улиц хожу, гуляю,
нет никого живых
мне навстречу.
Время такое — вечер,
и людям незачем выходить.
А с другой стороны, и мне поделиться нечем
с ними, не о чем говорить.
И я говорю деревьям:
«Хорошо мы живём, все по своим деревьям,
все по своим местам,
это дерево для креста,
а другое для люльки,
вот так и люди:
нужны для чего-нибудь».
И сама соглашаюсь: «Если ты есть, то будь».

Кто живёт в селе, но не совсем исчез,
называет дерево, а не лес.
Это ольха, а этот листок дубовый.
Называет себя — я человек бесполез-
ный, ничего за жизнь не узнал другого.

Кроме осин трясущихся и берёз,
некого вспомнить, некому говорить.
Сам ли пришёл или к себе принёс,
чтобы потом смотреть, как ещё горит.

Но посмотри на этот лесной массив.
Роскошь природы, крайняя красота.
Мир говорит: «Я беден, но как красив!»
И, соглашаясь, птица летит с куста.

Как деревья стояли, обнявшись всем лесом, качались
и смотрели наверх.

Это всё ничего, все несчастны, все любят не тех,
мы уже попрощались.

По дороге — жасмин, белый запах его, чёрный воздух,
и закрыли глаза свои звёзды, поэтому нет их.

Деревянных домов и цветов возле них многолетних —
этой улицей нам до вокзала недолго — и поезд.

«Никогда», — говорим, а ответа уже не узнаем,
не услышим, глухая акустика, клетка грудная.

Так и будем стоять, где твой лес, только крона и корни,
и покой покаянный, и сам человек посторонний.

Ползимы ползём вопреки и вдоль
(всяк свою тоску приручить изволь),
по холодным холмам крахмала.

Как говорит дорога, не сыпьте соль
мне на раны, меня достало.

Что до зимней кухни, ещё мукá,
и сравнений ряд завершим на этом.
Дети слепили белого ходока
и воткнули в него режущие предметы.

Так и я стою с улыбкою напоказ,
сдвинуться не могу, как бы этого ни хотела.
И течёт вода из пуговиц серых глаз,
посреди зимы, простора и беспредела.

— Это вера?

— Нет, ещё не вера.

Это окончание её.

Есть слова «не знаю» и «наверно»,
угадай, каких недостаёт?

— Это радость?

— Нет, ещё не радость.

Это *пиво светлая печаль*.

Жизнь опять прошла, не начинаясь.

— Ну хоть ты не начинай.

Было нам легко и безнадёжно
(школу прогулять по ОРВИ).

— Можно мне ещё?

— Конечно можно.

Сколько хочешь боли и любви.